МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

П.А. Барахвостов*

ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ СТРАН «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» (НА ПРИМЕРЕ МОЛДОВЫ)

Белорусский государственный университет
220030 Беларусь, Минск, ул. Ленинградская, 20

Победа на президентских выборах, прошедших в Республике Молдова в конце 2016 г., социалиста И. Додона, не скрывающего своего скептического отношения к Соглашению об ассоциации между Молдовой и Европейским союзом, равно как и череда внутриполитических скандалов, потрясших эту страну в предыдущие годы, заставили руководство ЕС задуматься о целях и перспективах своей политики в регионе. Прежде всего, речь идет о переоценке весьма амбициозной программы «Восточное партнерство». С точки зрения понимания сути разворачивающихся трансформаций в подходах ЕС к выстраиванию отношений со своими восточными соседями пример Молдовы представляется особенно интересным, поскольку она была одним из наиболее активных и последовательных участников программы с самого ее запуска. В данной статье рассмотрена эволюция политики Европейского союза в отношении Молдовы в период с 2009 по 2016 г. Показано, что инициатива «Восточное партнерство» обусловила возникновение принципиально нового инструмента распространения ценностей и норм Евросоюза на правовые системы стран-партнеров – Соглашения об ассоциации. Для стимулирования его разработки и имплементации был задействован весь существующий спектр политических и экономических инструментов ЕС, включая привлечение международных финансовых институтов и доноров. Брюссель использовал механизмы как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества, уделяя особое внимание инструментам социализации, созданным в рамках «Восточного партнерства» и направленным на усвоение элитами и обществом норм, ценностей и практик, пропагандируемых Евросоюзом. Автор показывает, что после заключения Соглашения об ассоциации инструментарий политики ЕС в отношении Молдовы качественно изменился. Ключевыми новыми механизмами реализации принципа кондициональности стали: вхожде-

* *Барахвостов Павел Александрович* – аспирант кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета (e-mail: pavelbarakhvostov@yahoo.com).

ние страны-партнера в углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли, предоставление доступа к ресурсам европейского энергетического рынка, обеспечение альтернативных путей поставок энергоносителей, Соглашение о либерализации визового режима, запуск «зонтичной программы», осуществляющей дополнительное финансирование стран за успехи в построении «глубокой демократии». Кроме того, к Молдове был впервые применен аудит с последовавшей приостановкой бюджетной поддержки страны – инструмент негативной кондициональности, направленный на стимулирование проведения реформ с помощью ограничительных мер. Автор заключает, что в настоящий момент Молдова находится в своеобразной точке бифуркации, и будущее всех инициатив ЕС в этой стране зависит от труднопредсказуемых внутриполитических процессов.

Ключевые слова: Европейский союз, Республика Молдова, Европейская политика соседства, «Восточное партнерство», европеизация, Европейский инструмент соседства и партнерства, Соглашение об ассоциации, кондициональность, социализация.

Волны расширения Европейского союза (ЕС) в 2004–2007 гг. обусловили необходимость выработки единой внешнеполитической стратегии Брюсселя в отношении новых соседей, следствием чего стало формирование Европейской политики соседства (ЕПС)[1], призванной создать «пояс процветания и безопасности» вблизи границ ЕС. Однако к 2008 г. стало очевидно, что требуется дифференциация постсоветского пространства: слишком различными были темпы преобразований в странах – участницах ЕПС. В 2009 г. в рамках этой политики была запущена программа «Восточное партнерство», предназначенная для шести относящихся к Европе (географически или политически) государств: Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Украины, Молдовы[2]. Интерес Евросоюза к данному региону был вызван прежде всего его «приграничным» положением, а также важностью в системе взаимоотношений «Запад – Россия». Инициаторами запуска программы стали Польша и Швеция, стремившиеся усилить свое влияние на постсоветском пространстве, потеснив при этом Российскую Федерацию. Главной целью «Восточного партнерства» является создание необходимых условий для ускорения политической ассоциации

[1] Communication from the Commission – European Neighbourhood Policy – Strategy paper {SEC(2004) 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570} /*COM/2004/0373 final (2004) // European Commission. Available at: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52004DC0373 (accessed: 20.06.2016).

[2] Communication from the Commission to the European Parliament and the Council – Eastern Partnership {SEC (2008) 2974} / COM (2008) 823 final // European Union External Action. Available at: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf (accessed: 20.06.2016).

и дальнейшей экономической интеграции между Европейским союзом и странами-партнерами[3], что возможно лишь в результате их нормативного сближения и в перспективе – нормативной конвергенции. Таким образом, по сути, «Восточное партнерство» направлено на формирование единого политико-нормативного пространства, выделенного из СНГ.

Однако данная программа не рассматривается Евросоюзом как подготовка государств-партнеров к вступлению в его ряды – она носит характер «расширения в облегченном варианте», предусматривающем возможность влияния ЕС на политику стран-участниц без перспективы предоставления им полноправного членства. Иными словами, очевиден парадокс [Kelley, 2006]: в то время как ключевым моментом ЕПС и «Восточного партнерства» является распространение европейских норм и практик на ближайших восточных соседей, ЕС изначально отказывает им во вступлении в союз. Каким же образом в таком случае Брюссель побуждает партнеров к осуществлению политических и экономических реформ?

В историографии можно отметить немало работ, посвященных изучению данной проблемы. В основе значительного числа исследований – представление о ЕС как о нормативной силе, воплощающей определенный набор нравственных ценностей и правовых норм [Sjursen, 2006]. В соответствии с этим внешняя политика рассматривается как продолжение политики внутренней, направленной на обеспечение демократии, верховенства закона, соблюдение прав человека. При этом отличительной чертой нормативной силы ЕС является ее «мягкий» характер [Wood, 2009], подразумевающий добровольное принятие европейских ценностей, норм и практик, а не военное или экономическое принуждение. В основе нормативной силы – принцип обусловленности, в соответствии с которым передача «хороших» норм и практик от одного актора другому осуществляется при выполнении определенных условий [Agné, 2008]. Это означает, что в отношениях Евросоюза с партнерами существует некая асимметрия [Biscop, 2010; Grabbe, 2006; Bechev, 2011]. Ряд исследователей подчеркивают обусловленность внешнеполитической деятельности ЕС интересами по обеспечению собственной стабильности [Diez, 2005; Hyde-Price, 2006; Pace, 2007].

Значительное число работ содержат анализ механизмов и инструментов трансляции европейских норм. В этом плане представляют интерес исследования, проводимые в рамках теории европеизации, т.е. процесса распространения европейских ценностей, законодательных норм и практик, а также форм политического управления

[3] Ibidem.

не только внутри, но и вне ЕС. Наличие у феномена европеизации внешнего измерения обосновывается в статье Ф. Шиммельфеннига «Европеизация за пределами Европы» [Shimmelfennig, 2012]. Представляет интерес работа А. Горича с соавт. «Европеизация через ЕПС: пример Украины» [Gawrich et al., 2010], в которой вводится термин «европеизация соседства» и указывается на существование различий между европеизацией внутренней (при вступлении страны в ЕС) и внешней (при ассоциации с Евросоюзом). Детально различные виды европеизации рассмотрены в исследовании С. Лавенекс «Концентрические круги гибкой европейской интеграции: типология внешнего управления ЕС» [Lavenex, 2011]. Методологии изучения процесса европеизации посвящена обзорная работа В. Латкиной «Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях» [Латкина, 2014]. В результате анализа процесса внешней европеизации в рамках ЕПС отмечено, что наряду с политикой трансляции норм и практик «сверху вниз» ЕС использует механизмы «горизонтальной конвергенции», когда указанная трансляция осуществляется третьей стороной (например, Всемирной торговой организацией) или благодаря развитию двусторонних связей [Barbé et al., 2009]. В работах Р. Янгса «Поддерживает ли ЕС демократию у соседей?» [Youngs, 2008] и С. Лавенекс «Перспективы управления в Европейской политике соседства: интеграция вне обусловленности?» [Lavenex, 2008] высказывается идея неиерархического «сетевого» управления со стороны Евросоюза, подразумевающего активное включение в процесс распространения норм многоуровневой и полицентричной межправительственной сети политических обменов и обучения.

В меньшей степени изучены особенности трансляции норм и практик ЕС в странах «Восточного партнерства». Как правило, авторы отмечают различие между данной программой и ЕПС [Hillion, Mayhew, 2009] либо преемственность в инструментах и механизмах [Pełczyn'ska-Nałęcz, 2011]. В работе Р. Алибони, Ф. Аммор «Под тенью "Барселоны": от Европейского средиземноморского партнерства к Союзу для Средиземноморья» [Aliboni, Ammor, 2009] указано, что подходы ЕС к данным государствам отличаются от таковых для стран Средиземноморья. Анализ роли тематических платформ в «Восточном партнерстве» в процессе нормативной трансляции приводится в статье Г. Мартинезгарнело Й Салво «Восточное партнерство как выражение Европейской политики соседства: усиление европейской нормативной силы у восточных партнеров» [Martínezgarnelo Y Calvo, 2014]. Заслуживает внимания работа А. Ниеманн, Т. де Веккер «Нормативная сила Европы? Отношения ЕС с Молдовой» [Niemann, de Wekker, 2010], в которой, базируясь на положе-

нии о нормативной силе ЕС, авторы исследуют механизмы влияния Европейского союза на одну из стран «Восточного партнерства» – Республику Молдова. При этом эмпирический анализ охватывает небольшой период действия программы (до 2010 г.) и фокусируется на двух секторах: поддержке демократии и обеспечении «надлежащего управления».

Немало работ посвящены изучению влияния России на процесс трансляции норм и практик ЕС в страны «Восточного партнерства». Ряд исследователей вскрывают конкурентную природу данной интеграционной инициативы по отношению к евразийскому проекту [Болгова, 2012; Косикова, 2012; Шишкина, 2012; Cadier, 2014; Dimitrova, Dragneva, 2009]. В работе А.А. Сергунина «Восточное партнерство: вызов российской дипломатии в Восточной Европе» высказываются опасения, что запуск указанной программы чреват возникновением новых разделительных линий в Европе и подрывом российского геополитического влияния на постсоветском пространстве [Сергунин, 2010].

Существенное место занимают исследования, представляющие собой систематизацию и осмысление богатого эмпирического материала, касающегося взаимоотношений Европейского союза и отдельных стран «Восточного партнерства». При этом в последние годы особый интерес вызывает Молдова [Лавренов, 2014; Михайлов, 2013; Трещенков, 2015; Фокина, 2013; Цвятков, 2015; Verdun, Chira, 2008; Bosse, 2010; Schmidtke, Chira-Pascanut, 2011]. Специфика данной страны обусловлена региональным положением – географической «зажатостью» между Россией, Украиной и Румынией (членом ЕС и НАТО). Республика характеризуется значительным этнокультурным разнообразием. Государственный язык – молдавский, базирующийся на использовании латиницы, однако известные письменные исторические памятники прошлого созданы на кириллице. Подавляющее большинство верующих (93,3%) – православные христиане[4], но граждане страны толерантны к представителям других религиозных конфессий. Значительное число жителей Молдовы имеют двойное гражданство, в большинстве – молдавское и румынское, в то же время многие жители Приднестровья являются гражданами Украины и России. В экономике большую долю занимает аграрный сектор; по уровню ВВП на душу населения страна расположилась на 144-м месте из 190 возможных[5].

[4] The World factbook // Central Intelligence Agency. Available at: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/md.html#People (accessed: 20.06.2016).

[5] Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) valuation of country GDP // The World Bank. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD (accessed: 20.06.2016).

Вместе с тем Молдова была первой страной постсоветского пространства (исключая прибалтийские государства), принятой в Совет Европы (1995). В настоящее время во всемирных рейтингах республика занимает 76-е место по индексу свободы прессы[6] и 59-е – по индексу демократии[7], опережая большинство стран СНГ.

Анализ историографии показывает необходимость дальнейшего, более глубокого изучения *эволюции* инструментов и механизмов нормативной трансляции, применяемых Европейским союзом в отношении стран «Восточного партнерства». Данная проблема рассматривается в настоящей работе, где на примере Молдовы в период 2009–2016 гг. проанализированы инструментарий, используемый ЕС в восточноевропейских государствах, образовавшихся после распада СССР, механизмы его функционирования и особенности эволюции. Изучение этой проблемы представляет как научный интерес, связанный с исследованием внешнеполитических стратегий Европейского союза, так и практический, обусловленный необходимостью учета происходящих на континенте трансформаций для обеспечения безопасности в регионе.

* * *

К моменту запуска в 2009 г. программы «Восточное партнерство» отношения между Европейским союзом и Молдовой (как и между ЕС и другими странами – участницами инициативы) регулировались Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (1998), устанавливавшим правовые рамки взаимодействия, и Планом действий ЕПС (2005), намечавшим стратегические цели и приоритеты двустороннего сотрудничества. Последний, по сути, был инструментом трансляции европейских норм и практик на страну-партнера[8]. Для стимулирования этого процесса использовался ряд экономических мер, в частности: бюджетная поддержка (для Молдовы осуществлялась с 2007 г.); Автономная система преференций (заменившая в 2008 г. Генеральную систему преференций GSP+[9]), в соответствии с которой для всех молдавских промышленных и

[6] 2016 world press freedom index // Reporters without borders. Available at: https://rsf.org/en/ranking (accessed: 23.06.2016).

[7] The democracy ranking of the quality of democracy 2015 // Global Democracy Ranking. Available at: http://democracyranking.org/wordpress/rank/democracy-ranking-2015/ (accessed: 23.06.2016).

[8] EU-Moldova ENP Action Plan (2005) // EU Neighbours. Available at: http://www.euneighbours.eu/en/east/eu-in-action/moldova (accessed: 24.06.2016).

[9] Generalized System of Preferences. Handbook on the Scheme of the European Community // United Nations Conference on Trade and Development. Available at: http://unctad.org/en/Docs/itcdtsbmisc25rev3_en.pdf (accessed: 24.06.2016).

большинства сельскохозяйственных продуктов (за исключением говядины, свинины, мяса птицы, молочных продуктов, кукурузы, ячменя, сахара) предоставлялся свободный доступ на рынок ЕС[10].

Начало реализации инициативы «Восточное партнерство» и поставленные Брюсселем цели потребовали выработки принципиально нового инструментария распространения ценностей и норм Евросоюза на правовые системы стран-партнеров. В январе 2010 г. начались совместные консультации ЕС и Молдовы по подготовке такого инструмента – Соглашения об ассоциации. Для стимулирования продвижения диалога в данном направлении и создания условий для нормативного сближения были использованы *все* выработанные Евросоюзом механизмы, в первую очередь *инструменты для реализации принципа обусловленности* (*инструменты кондициональности*), посредством которых ЕС пытается воздействовать на другие государства, применяя при этом материальные поощрения. Среди них следует отметить финансируемые Европейским инструментом соседства и партнерства (ЕИСП) *программы двустороннего сотрудничества*. Приоритетные направления взаимодействия на период 2009–2013 гг., в течение которого осуществлялась подготовка к заключению Соглашения об ассоциации, были определены в следующих документах: Национальной стратегической программе (2007–2013)[11], Национальной индикативной программе (2007–2010)[12], заменившей ее Национальной индикативной программе (2011–2013)[13]. Как видно из таблицы, в 2009–2010 гг. среди приоритетов значились: поддержка демократического развития и повышение качества управления, способствование экономическому росту и снижению уровня бедности. В этот период наибольшая часть средств, выделяемых на указанные цели из бюджета ЕС, была направлена на стимулирование выполнения Плана действий ЕПС и реализацию нескольких крупных социально-экономических про-

---

[10] Council Regulation (EC) No 55/2008 of 21 January 2008 introducing autonomous trade preferences for the Republic of Moldova and amending Regulation (EC) No 980/2005 and Commission Decision 2005/924/EC // Council of the European Union. Available at: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2008.020.01.0001.01.ENG (accessed: 26.06.2016).

[11] Republic of Moldova. Country Strategy Paper (2007–2013) // European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI). Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/country/2011_enp_nip_moldova_en.pdf (accessed: 26.06.2016).

[12] National indicative program for Moldova (2007–2010) // ENPI. Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/moldova_national_indicative_programme_2007-2010_en.pdf (accessed: 20.10.2016).

[13] National indicative program for Moldova (2011–2013) // ENPI. Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enp_nip_moldova_en.pdf (accessed: 20.10.2016).

грамм: «Вода и санитария» (2009 г., 45 млн евро), «Экономическое стимулирование сельских производителей» (2010 г., 45 млн евро)[14].

В 2011–2013 гг. приоритетные направления двустороннего сотрудничества, на которые выделялось 273,14 млн евро, в целом остались прежними:

– надлежащее управление, верховенство закона и фундаментальные свободы (что подразумевало поддержку соблюдения прав и основных свобод человека, стимулирование проведения административной реформы и разработки нового соглашения между ЕС и Молдовой);

– социальное развитие и развитие человеческого потенциала (поддержка мер социальной защиты, реформы системы здравоохранения, рынка труда и образования);

– торговля и обеспечение устойчивого развития (создание условий для вхождения страны в углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли (УВЗСТ), стимулирование регионального и местного развития, охраны окружающей среды, развития энергоэффективных технологий).

По сравнению с 2009–2010 гг. усилилось стимулирование демократических преобразований и социального развития. Основные программы двустороннего сотрудничества в данный период[15]: «Поддержка институционального строительства» (28 млн евро), «Поддержка судебной реформы» (50,2 млн евро), «Поддержка действующих и перспективных соглашений между ЕС и Республикой Молдова» (26 млн евро), «Поддержка имплементации плана визовой либерализации» (21 млн евро), «Поддержка энергетического сектора» (40 млн евро), «Поддержка профессионального образования и обучения» (25 млн евро). Значительные средства были выделены Евросоюзом на проведение судебной реформы, вследствие чего бюджет Министерства юстиции Молдовы в 2013 г. вырос на 60% по сравнению с 2012 г.[16] Финансирование предназначалось для повышения заработной платы служащих в целях снижения уровня коррупции в судах, а также для улучшения пенитенциарной системы: создания новых пенитенциарных учреждений и проведения реформ, касающихся несовершеннолетних правонарушителей.

Еще один двусторонний инструмент, основанный на применении принципа кондициональности, – *техническая помощь*, выделяемая из бюджета ЕС. По этому каналу в 2013 г. Молдове было

---

[14] EU budget support to Eastern Partnership Countries: Cases of Moldova, Georgia, and Ukraine // Eastern Partnership Civil Society Forum. Available at: http://eap-csf.eu/assets/files/WG1_EU%20Budget%20support_last_en.pdf (accessed: 20.10.2016).

[15] Ibidem.

[16] Ibidem.

Приоритетные направления двустороннего сотрудничества ЕС и Молдовы (2009–2017)[15]

Годы	2007–2010	2011–2013	2014–2017
Финансирование, млн евро	209,7	273,14	335–410
Приоритетные направления двустороннего сотрудничества (финансирование, в % от общего количества выделенных средств)	Демократическое развитие и надлежащее управление (25–35%)	Надлежащее управление, верховенство закона и фундаментальные свободы (35–40%)	Реформа государственного управления (30%)
	Реформы в системе управления и государственного строительства (15–20%)	Социальное развитие, развитие человеческого потенциала (30%)	Развитие сельского хозяйства (30%)
	Борьба с бедностью и стимулирование экономического роста (40–60%)	Торговля и устойчивое развитие (35–40%)	Реформа полиции и служб пограничного контроля (20%)
			Дополнительная поддержка (20%): 1) развитие потенциала и институциональное строительство (15%); 2) развитие гражданского общества(≤ 5%)
			Дополнительное финансирование в рамках «зонтичной программы» как поощрение за успехи в построении «глубокой демократии»

[15] National indicative program for Moldova (2007–2010) // ENPI. Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/moldova_national_indicative_programme_2007-2010_en.pdf (accessed: 20.10.2016); National indicative program for Moldova (2011–2013) // ENPI. Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enp_nip_moldova_en.pdf (accessed: 20.10.2016); Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) – 2014–2020. Single Support Framework for EU support to the Republic of Moldova (2014–2017) // European Commission. Available at: http://ec.europa.eu/enlargement/neighbourhood/pdf/key-documents/moldova_2014_2017_programming_document_en.pdf (accessed: 20.12.2016).

предоставлено 10 млн евро для технического обеспечения судебной реформы[18].

Наряду с программами двустороннего сотрудничества к инструментам кондициональности следует отнести разработанные в рамках «Восточного партнерства» *программы многостороннего сотрудничества*, в частности Программу интеграции и кооперации Восточного партнерства (Eastern Partnership Integration and Cooperation Programme – EaPIC), из которой выделялись дополнительные средства для поощрения успехов в нормативном сближении страны-партнера с ЕС (по принципу «больше за большее»). Из средств данной программы в период 2009–2013 гг. Молдова дополнительно получила 14 млн евро на экономическое стимулирование сельских производителей и 8 млн евро на осуществление судебной реформы[19].

Важный инструмент многостороннего (регионального) сотрудничества (и инновация «Восточного партнерства» в сравнении с ЕПС) – *флагманские инициативы*: программа интегрированного управления границами, содействие развитию малого и среднего бизнеса, региональных рынков электроэнергии, повышение энергоэффективности и развитие возобновляемых источников энергии, сотрудничество по вопросам предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий.

Кроме того, страны «Восточного партнерства» (в том числе Молдова) привлекались к *межрегиональным программам* сотрудничества. Их целью было стимулирование реформ посредством: консультационного участия ЕС («Support for Improvement in Governance and Management» – SIGMA, «Technical Assistance and Information Exchange» – TAIEX); обучения молодежи и студенческих обменов («Trans-European Mobility Programme for University Studies» – TEMPUS, Erasmus Mundus); расширения контактов органов местной власти в странах ЕС и государствах – участниках программы («Cooperation in Urban Development and Dialogue» – CIUDAD); продвижения инвестиционных проектов (для этого был создан Инвестиционный инструмент соседства – ИИС)[20].

Важным инструментом кондициональности стали *программы трансграничного сотрудничества*, запускаемые ЕС для непосредственно граничащих с ним стран и предназначенные для стимулирования экономического и социального развития, охраны окружающей среды, улучшения здравоохранения, борьбы с организованной

[18] Ibidem.

[19] Ibidem.

[20] Инструменты многостороннего сотрудничества и тематические инструменты // ODB Brussels. Доступ: http://by.odb-office.eu/files/docs/Instrumenty-mnogostoronnego-sotrudnichestva-i-tematicheskie-instrumenty.pdf (дата обращения: 26.06.2016).

преступностью, повышения эффективности охраны государственных границ. В период 2007–2013 гг. на данные программы в целом было выделено 1,1 млрд евро, в том числе 126 млн евро – на проект «Молдова – Румыния – Украина».

Кроме того, для решения задач «Восточного партнерства» широко использовались *тематические инструменты*: Фонд гражданского общества Европейского соседства, а также Европейский инструмент содействия демократии и правам человека, через который Молдове только в 2009–2011 гг. было предоставлено от 175 до 250 тыс. евро[21] в виде грантов для организаций гражданского общества.

Для стимулирования нормативного сближения Молдовы с ЕС также применялись программы, финансируемые Общим директоратом Еврокомиссии (Directorate General for External Relations): Инфраструктура управления (Governance Facility), Инструмент сотрудничества в области ядерной безопасности, Гуманитарная помощь, Инструмент стабильности, Седьмая Рамочная программа научных исследований и др.

Важным инструментом кондициональности была *макрофинансовая помощь* – исключительный механизм, используемый Европейским союзом для преодоления кризиса в странах-партнерах, имеющих серьезные проблемы с платежным балансом. Такая помощь оказывается дополнительно к поддержке Международного валютного фонда и предоставляется в виде среднесрочных и долгосрочных займов, кредитов, грантов. Предварительными условиями для ее получения являются: обеспечение демократии, соблюдение прав человека, верховенство закона. По этому каналу в период 2010–2012 гг. Молдове было выделено 90 млн евро для борьбы с кризисными явлениями[22].

Наконец, Евросоюз задействовал еще один инструмент – разработанный в 2011 г. План действий по либерализации визового режима, включающий четыре блока вопросов: защищенность документов, в том числе использование биометрических паспортов; нелегальная миграция, в том числе реадмиссия; общественный порядок и безопасность; внешние связи и основные права[23].

---

[21] 2007–2013 ENPI CBC programmes // Eastern Partnership Territorial Cooperation. Available at: http://www.eaptc.eu/en/enpi-programmes.html (accessed: 29.06.2016).

[22] Ex-post evaluation of the EU's macro financial assistance to Moldova (2010–2012) // European Commission. Available at: http://ec.europa.eu/dgs/economy_finance/evaluation/pdf/mfa_moldova_evaluation_final_report_en.pdf (accessed: 28.06.2016).

[23] Moldova's success story – policy paper // SBF-IWP. Available at: http://eap-csf.eu/assets/files/Moldova%20success%20story%20-%20policy%20paper%20-%20SBF%20IWP.pdf (accessed: 20.09.2016).

Однако для нормативного сближения страны-партнера с ЕС необходима не только заинтересованность, обеспечиваемая путем покрытия возможных финансовых расходов и/или предоставления политических выгод, но и обучение, направленное на усвоение элитами и обществом норм, ценностей, практик Евросоюза. Формирование элементов нового сознания – основа для нормативного сближения, вследствие чего особую важность приобретают *инструменты, связанные с использованием механизма социализации* (*инструменты социализации*) [Checkel, 2005; Kelley, 2006; Schimmelfennig et al., 2006], созданные в рамках «Восточного партнерства»:

– *тематические платформы:* 1) демократизация и обеспечение «надлежащего управления»; 2) устойчивое экономическое развитие; 3) обеспечение энергетической безопасности; 4) развитие контактов между людьми. Каждая из этих платформ является представительным форумом для обмена информацией и опытом осуществления реформ между ЕС и партнерскими странами[24]. Молдова принимала активное участие в работе данных платформ;

– *twinning* – уникальный инструмент социализации для институционального сотрудничества между структурами государственного управления ЕС и стран программы, предусматривающий не только обмен визитами, но и активную, продолжительную (в течение как минимум 12 месяцев) работу куратора (или специальной миссии) из ЕС в стране-участнице по обучению, организации и мониторингу институциональных реформ. В период с 2009 по 2013 г. ежегодно в Молдове количество twinning-проектов увеличивалось на три[25];

– *Парламентская ассамблея «ЕвроНест»*[26] – форум для парламентских консультаций по углублению политического сотрудничества и дальнейшей экономической интеграции между Европейским союзом и странами-партнерами, в состав которого включены 60 членов Европейского парламента и по 10 членов от парламентов стран «Восточного партнерства» (кроме Беларуси с 2010 г.);

– *Форум гражданского общества «Восточного партнерства»* (*ФГО ВП*), основными задачами которого являются укрепление гражданского общества в странах-партнерах и стимулирование его участия в реализации программы. Основу ФГО ВП составляют рабочие

---

[24] Eastern Partnership – multilateral platforms // European Union External Action. Available at: http://eeas.europa.eu/eastern/platforms/index_en.htm (accessed: 28.06.2016).

[25] Twinning TAIEX SIGMA // European Union External Action. Available at: http://eeas.europa.eu/delegations/georgia/eu_georgia/tech_financial_cooperation/instruments/twinning_taiex_sigma/index_en.htm (accessed: 11.07.2016).

[26] Welcome // EuroNest. Parliamentary Assembly. Available at: http://www.euronest.europarl.europa.eu/euronest (accessed: 20.06.2016).

группы, действующие независимо, но параллельно с тематическими платформами, имеющие доступ к документам платформ и министерских встреч и, следовательно, возможность осуществлять мониторинг взаимодействия Евросоюза со странами-партнерами[27];

– *Конференция региональных и местных властей для «Восточного партнерства»* (*Conference of Regional and Local Authorities for the Eastern Partnership – CORLEAP*) – политический форум местных и региональных органов власти стран Европейского союза и «Восточного партнерства», являющийся единственной платформой ЕС для обсуждения вклада городов и регионов в реализацию программы[28]. Члены CORLEAP выполняют функцию координационных центров для развития сети, посредством которой осуществляются сбор и распространение информации для местного и регионального направления деятельности «Восточного партнерства».

Данные инструменты тесно переплетены. Так, Форум гражданского общества выполняет функции мониторинга Парламентской ассамблеи «ЕвроНест» и Конференции региональных и местных властей для «Восточного партнерства»; CORLEAP взаимодействует с тематическими платформами и т.д.

Инструменты социализации оказываются тесно связанными с инструментами кондициональности. Например, в рамках тематических платформ предусмотрены панели групп экспертов, которые разрабатывают предложения по запуску конкретных программ (проектов), финансируемых ЕС.

* * *

27 июня 2014 г. было подписано Соглашение об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом. С 1 июля 2016 г. новый инструмент распространения ценностей и норм ЕС на правовую систему Молдовы вступил в действие. В отличие от Плана действий ЕПС, который носит «мягкий» (скорее рекомендательный, чем обязательный) характер, Соглашение об ассоциации означает принятие определенных *юридических* обязательств перед Евросоюзом, выражающихся в первую очередь в приближении законодательства и административных процедур государства к соответствующим нормам и процедурам ЕС в различных областях. Необходимым условием подписания Соглашения является обеспечение демократии, верховенства закона, соблюдения основных прав и свобод человека.

---

[27] Eastern Partnership Civil Society Forum. Available at: http://eap-csf.eu/ru/home (accessed: 16.09.2016).

[28] Conference of the Regional and Local Authorities for the Eastern Partnership (CORLEAP) // European Union. Committee of the Regions. Available at: http://cor.europa.eu/en/activities/corleap/Pages/corleap.aspx (accessed: 16.09.2016).

Новый инструмент трансляции норм и практик ЕС на страну-партнера включает в качестве компонента углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли с ЕС, заменяющую прежние торговые преференции Евросоюза. Отличительными особенностями УВЗСТ с Молдовой являются: наличие внушительного списка товаров (томаты, помидоры, виноград, чеснок, яблоки, сливы и виноградный сок), для которых установлены *квоты* на беспошлинный ввоз в ЕС; отмена всех пошлин и тарифов на некоторые товары (например, шоколад и пиво) сразу после вступления Соглашения в силу; переходный период (от 3 до 10 лет), в течение которого европейские производители не смогут беспошлинно ввозить в Молдову сельхозпродукцию, текстиль, мебель, стройматериалы, ковры, обувь.

Кроме того, Соглашение об ассоциации предполагает задействование новых инструментов кондициональности:

– предоставление доступа к ресурсам европейского энергетического рынка, обеспечение альтернативных путей поставок энергоносителей, в частности поддержка на политическом, финансовом и организационно-техническом уровнях строительства газового и электроэнергетических интерконнекторов между Республикой Молдова и Румынией (первый из них – газопровод «Унгены-Яссы» – открыт 27 августа 2014 г.);

– Соглашение о либерализации визового режима. С 28 апреля 2014 г. граждане Молдовы, обладающие биометрическим паспортом, получили право безвизового въезда на срок до 90 дней на территорию Шенгенской зоны.

Наряду с появлением новых произошло изменение прежних инструментов кондициональности. В 2014 г. ЕИСП был преобразован в Европейский инструмент соседства (ЕИС)[29]. Он обеспечивает *основную* часть финансирования для стран – участниц «Восточного партнерства» через двусторонние, региональные и трансграничные программы сотрудничества, руководствуясь принципом «больше за большее». До 10% бюджета ЕИС аккумулируется в «зонтичных программах», через которые выделяются дополнительные средства за успехи в построении «глубокой демократии»[30]. На эти цели

[29] Regulation (EU) No. 232/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a European Neighbourhood Instrument // European Union External Action. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/enp-regulation-11032014_en_0.pdf (accessed: 04.11.2016).

[30] «Глубокая» демократия включает политические реформы, демократические выборы, институциональное строительство, борьбу с коррупцией, независимость судебной системы и поддержку гражданского общества (см.: Ashton C. Remarks by the EU High Representative Catherine Ashton at the Senior officials' meeting on Egypt

в 2014–2017 гг. страны ЕПС получили 770 млн евро. В 2014 г. по данному каналу Молдовой было получено 30 млн евро.

Несколько изменились приоритеты двустороннего сотрудничества. Так, в соответствии с Программой поддержки ЕИС для Республики Молдова[31] бюджетное финансирование ЕС в 2014–2017 гг. (335–410 млн евро) было запланировано направить на *поддержку имплементации Соглашения об ассоциации*, сосредоточившись на следующих направлениях (см. таблицу):

– административная реформа (децентрализация власти, развитие многоуровневой системы управления);

– развитие сельских районов (модернизация аграрного сектора и ориентация его на международные стандарты, поддержка малого и среднего бизнеса в сельских районах);

– реформа полиции и пограничной службы (борьба с организованной преступностью, наркотрафиком, торговлей людьми, коррупцией, поддержка имплементации Соглашений о визовой либерализации и реадмиссии).

Дополнительные средства выделялись на развитие потенциала и институциональное строительство. Финансирование из бюджета ЕС мероприятий по поддержке гражданского общества уменьшилось, однако эта задача перекладывалась на тематические инструменты, в частности Европейский инструмент содействия демократии и правам человека. В целом в 2014 г. для двустороннего сотрудничества ЕС выделил республике 131 млн евро, в том числе: на программу поддержки УВЗСТ – 30 млн евро, программу поддержки сельского хозяйства и развития сельских районов (European Neighbourhood Program for Agriculture and Rural Development – ENPARD) – 64, программу административной реформы – 37 млн евро.

Ряд изменений претерпели и программы регионального сотрудничества. В частности, был запущен пакет новых региональных инициатив в поддержку молодежи («EU4Youth»), малых и средних предприятий («Поддержка реформ конкурентоспособности малых и средних предприятий в странах “Восточного партнерства”»), местного самоуправления («Флагманская инициатива по устойчивому муниципальному развитию»), обеспечения безопасности («Программа сотрудничества полицейских служб “Восточного партнерства”») и др.

---

and Tunisia, 23 February 2011 // European Commission. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-122_en.htm (accessed: 10.10.2016)).

[31] Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) – 2014–2020. Single Support Framework for EU support to the Republic of Moldova (2014–2017) // European Commission. Available at: http://ec.europa.eu/enlargement/neighbourhood/pdf/key-documents/moldova_2014_2017_programming_document_en.pdf (accessed: 20.12.2016).

Появились и новые *межрегиональные программы*, в которых имеют возможность участвовать страны «Восточного партнерства» (в том числе Молдова), например ERASMUS+ (на 2014–2020 гг.), заменившая программы ERASMUS Mundus и TEMPUS. Она объединяет все существующие образовательные, молодежные и спортивные программы ЕС – ERASMUS, Leonardo da Vinci, Comenius, Grundtvig, Молодежь в действии, ERASMUS Mundus, TEMPUS, Alfa, Edulink – и провозглашает три основных принципа: образование, молодежь и спорт. Кроме того, Молдова получила право участия в рамочной программе ЕС по научным исследованиям и инновациям «Горизонт 2020».

Важный обновленный инструмент кондициональности – *программы трансграничного сотрудничества*, в том числе Румыния/Молдова и Черноморская программа[32].

Продолжалось использование и тематических инструментов, в частности Европейского инструмента содействия демократии и правам человека. Так, в 2015 г. был объявлен конкурс грантов «Европейский инструмент содействия демократии и правам человека для Республики Молдова» на общую сумму 700 тыс. евро[33].

Главной цели – имплементации Соглашения об ассоциации – была подчинена также работа инструментов социализации, которым на новом этапе Европейский союз стал уделять гораздо больше внимания. Например, в 2015 г. был запущен twinning-проект «Поддержка модернизации государственной службы в соответствии с лучшими практиками ЕС» (с бюджетом 1,19 млн евро)[34].

Однако хорошо налаженные механизмы кондициональности и социализации стали давать сбой, когда в Молдове разразился коррупционный скандал, связанный с исчезновением в конце 2014 г. 1 млрд долл. (13% ВВП страны) из трех основных национальных банков: Banca de Economii, Banca Socială, Unibank[35]. Бывший премьер-министр В. Филат был арестован, однако до сих пор никто за это

---

[32] Программы трансграничного сотрудничества // Территориальное сотрудничество стран Восточного партнерства. Доступ: http://eaptc.eu/ru/eni-cbc-programmes.html (дата обращения: 25.10.2016).

[33] European Instrument for Democracy and Human Rights (EIDHR) – Country-based Support Scheme for the Republic of Moldova // European Commission. Available at: https://webgate.ec.europa.eu/europeaid/online-services/index.cfm?ADSSChck=1436103241848&do=publi.detPUB&searchtype=AS&zgeo=38220&ccnt=7573876&debpub=&orderby=upd&orderbyad=Desc&nbPubliList=15&page=2&aoref=137328 (accessed: 12.11.2016).

[34] European Social Fund Agency. Available at: http://www.esf.lt/en/contact-us/international-projects/participation-in-eu-twinning-projects/134 (accessed: 06.11.2016).

[35] EU assistance for strengthening the public administration in Moldova. Special report. 2016 // European Court of Auditors. Available at: http://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR16_13/SR_MOLDOVA_EN.pdf (accessed: 06.11.2016).

не понес наказания, следы исчезнувших средств не обнаружены. Банковский скандал привел к утрате доверия зарубежных доноров и парализовал систему координации финансовой поддержки страны. В середине 2015 г. ЕС заморозил предоставление Молдове средств бюджетной помощи в размере 41 млн евро[36]. Тем не менее поддержка Кишинева в рамках отдельных программ продолжалась. Кроме того, разрабатывались и запускались новые проекты финансирования, такие как Программа технической помощи по реализации УВЗСТ между ЕС и Республикой Молдова, стартовавшая в октябре 2015 г. Следует отметить, что к настоящему моменту, после заключения в ноябре 2016 г. между Республикой Молдова и Международным валютным фондом соглашения, направленного на стабилизацию банковского сектора Молдовы, и с учетом соблюдения страной прочих условий бюджетной поддержки, Европейский союз возобновил перевод средств: 45,3 млн евро пополнили бюджет республики.

Сложившаяся к концу 2014 г. ситуация обусловила необходимость создания еще одного инструмента европейской политики в регионе – *аудита*. Эффективность расходования вложенных в Молдову средств на проведение административной реформы была рассмотрена в 2015 г. Европейской счетной палатой[37]. Это был первый случай применения подобного инструмента к странам – участницам «Восточного партнерства». Главное заключение аудиторов – поддержка ЕС была лишь *частично эффективной* вследствие политического кризиса в стране, слабого управления, малых возможностей местных органов власти, высокого уровня коррупции в Молдове. Наибольший эффект достигнут в реализации социально-экономических проектов. Большинство же преобразований, связанных с реформированием системы управления, остались на бумаге. Аудиторская комиссия выступила с критикой принципа «больше за большее», позволившего Молдове получить 90 млн евро бюджетной поддержки в 2012–2014 гг., в то время как страна находилась в состоянии «институционального коллапса». Кроме того, прозвучал упрек в адрес Еврокомиссии за то, что, несмотря на полное осознание уровня коррупции и макроэкономической нестабильности в Молдове, в 2014 г. началась имплементация УВЗСТ[38].

---

[36] Council conclusions on the Republic of Moldova // Council of the European Union. Available at: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-moldova-conclusions/ (accessed: 20.10.2016).

[37] EU assistance for strengthening the public administration in Moldova. Special report. 2016 // European Court of Auditors. Available at: http://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR16_13/SR_MOLDOVA_EN.pdf (accessed: 06.11.2016).

[38] Ibidem.

Озвученные Европейской счетной палатой выводы подтвердили необходимость модернизации инструментов и механизмов политики ЕС в отношении Молдовы. 13 октября 2016 г. Представительство Евросоюза в этой стране вместе с государствами – членами ЕС подготовили Совместный аналитический отчет для Правительства Республики Молдова, в котором обозначались приоритеты поддержки Брюсселем Кишинева на период 2017–2020 гг.[39]

13 ноября 2016 г. на президентских выборах в Молдове победу одержал И. Додон. Основными положениями его предвыборной кампании были «сохранение государственности, нейтралитета и молдавской идентичности, сильная экономика и социальная справедливость, дружба с Россией и защита православия»[40]. Комментируя прошедшие выборы, Европейский союз подтвердил готовность сотрудничать с президентом в направлении реформирования *в соответствии с Соглашением об ассоциации*. При этом были подчеркнуты приоритеты двустороннего взаимодействия: борьба с коррупцией, достижение независимости судов, деполитизация государственных институтов и преобразование системы управления[41].

6–7 февраля 2017 г. И. Додон посетил Брюссель, где провел переговоры с председателем Европейского совета Д. Туском, главой Еврокомиссии Ж.-К. Юнкером, руководителем Европарламента А. Таяни и главой дипломатии ЕС Ф. Могерини. Президент Молдовы озвучил свою позицию по поводу Соглашения об ассоциации Республики Молдова с ЕС, назвав его подписание в 2014 г. преждевременным, ошибочным. И. Додон акцентировал внимание на ухудшении экономической ситуации в стране за годы имплементации Соглашения, росте разочарования граждан в европейской интеграции, подчеркнув, что «если после следующих парламентских выборов парламентское большинство либо народ через референдум проголосуют за аннулирование этого соглашения, то я в качестве президента страны это поддержу»[42].

---

[39] ЕС представляет ключевой плановый документ по сотрудничеству с Молдовой // EU Neighbours. Доступ: http://www.euneighbours.eu/maineast.php?id=46841&id_type=1&lang_id=471 (дата обращения: 15.10.2016).

[40] Игорь Додон озвучил три направления своей предвыборной программы // NTV Moldova. Доступ: http://ntv.md/ru/news/5643 (дата обращения: 29.10.2016).

[41] Presidential elections in the Republic of Moldova. Statement by the Spokesperson on the Presidential elections in the Republic of Moldova. 14.11.2016 // European Union External Action. Available at: https://eeas.europa.eu/topics/eastern-partnership/14812/presidential-elections-in-the-republic-of-moldova_en (accessed: 15.11.2016).

[42] Игорь Додон: подписание соглашения об ассоциации Молдавии с ЕС было ошибкой // РИА Новости. 08.02.2017. Доступ: https://ria.ru/ interview/20170208/1487423086.html (дата обращения: 08.02.2017).

В настоящее время Республика Молдова находится в точке бифуркации. Выбор страной пути развития сопряжен с множеством внутренних проблем (тяжелая экономическая ситуация, дефицит бюджета на фоне снижения объемов внешней помощи, высокий уровень коррупции, сильная политическая поляризация общества, разделившая его на две практически равные части, одна из которых поддерживает курс на европейскую, другая – на евразийскую интеграцию, усиление движения за объединение Молдовы и Румынии) и затрагивает многих акторов: Россию, Румынию, ЕС, соседнюю Украину, что обещает сложность политических процессов как внутри Молдовы, так и в регионе в целом.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что запуск программы «Восточное партнерство» потребовал выработки принципиально нового инструмента распространения ценностей и норм Евросоюза на правовые системы стран-партнеров, каковым стало Соглашение об ассоциации. Оно задает новые рамки для двусторонних отношений Евросоюза с государством-партнером, устанавливая политическую ассоциацию и глубокую экономическую интеграцию с взаимным свободным доступом на рынки. Для стимулирования разработки и имплементации Соглашения об ассоциации был задействован весь спектр политических и экономических инструментов ЕС, мобилизованы средства международных финансовых институтов.

В связи с заключением Соглашения об ассоциации инструментарий политики Евросоюза в отношении Молдовы изменился. Ключевыми новыми инструментами кондициональности стали: вхождение страны-партнера в углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли, предоставление доступа к ресурсам европейского энергетического рынка, обеспечение альтернативных путей поставок энергоносителей, Соглашение о либерализации визового режима, запуск «зонтичной программы», через которую осуществляется дополнительное финансирование стран за успехи в построении «глубокой демократии». Вместе с тем наряду с указанными инструментами *позитивной* кондициональности к Молдове был применен аудит с последовавшей приостановкой бюджетной поддержки Кишинева, что может рассматриваться как инструмент *негативной* кондициональности, направленный на стимулирование проведения реформ с помощью ограничительных мер.

Кроме того, изменился существующий инструментарий, в частности более широкое стали применяться инструменты социализации. Это обусловлено осознанием в европейских политических

кругах того, что далеко не все государства в равной степени заинтересованы в углублении отношений по модели, предложенной ЕС: для этого необходима готовность политических элит и гражданского общества страны-партнера к интеграционному сближению. В соответствии с изменившейся в 2015 г. стратегией ЕС в отношении стран ЕПС (и, следовательно, «Восточного партнерства») Европейский союз по-прежнему будет вовлекать своих соседей в диалог и сотрудничество, но теперь лишь в той мере и в тех формах, к которым готовы сами партнеры (по отдельности). В этой связи роль инструментов социализации существенно возрастает.

Следует отметить также влияние «украинского кризиса» на инструментарий Брюсселя, применяемый в отношении Молдовы (как и других стран «Восточного партнерства»). Подписание Соглашения об ассоциации Украины с ЕС стимулировало процессы *дезинтеграционной* регионализации, следствием чего стали, с одной стороны, усиление национализма на Украине (и не только в этой стране), с другой – сепаратистские настроения в обществе, проявление тенденций к автономизации и суверенизации. В ситуации неопределенности будущего, перспективы коренной ломки привычных политических и общественных институтов обострение регионального самосознания обусловило стремление жителей Крыма и Донбасса к созданию собственной государственности и в перспективе – к воссоединению с Россией. Конфликт на Украине вызвал самый серьезный кризис системы европейской безопасности после окончания «холодной войны» и привел к осознанию Брюсселем определенной черты в распространении общеевропейских ценностей, дальше которой он идти не готов. Это обусловило значительные изменения во всем спектре политических и экономических инструментов Европейского союза, направленных на углубление торгового, инвестиционного, энергетического сотрудничества со странами-партнерами, в том числе с Молдовой. Их подлинный масштаб, глубину и значение с точки зрения развития отношений между этими странами, ЕС и Россией еще предстоит оценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болгова И.В. Восточное партнерство: Европейский союз в поисках новой внешнеполитической идентичности // Европейский союз в XXI веке: время испытаний. М.: Весь мир, 2012. С. 380–397.

2. Девятков А.В. Молдова на перекрестке отношений России и ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 187–202.

3. Косикова Л.С. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 1 (74). С. 171–190.

4. Лавренов С.Я. Перспективы взаимоотношений ЕС и Молдовы после Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» // Постсоветский материк. 2014. № 1 (1). С. 26–36.

5. Латкина В. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–62.

6. Михайлов С.А. Политика Европейского союза в отношении Молдавии и приднестровского урегулирования: институциональный и национальный аспекты // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2 (17). С. 60–77.

7. Сергунин А.А. Восточное партнерство: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и международные коммуникации. 2010. № 1. С. 205–210.

8. Трещенков Е.Ю. Политика Евросоюза на постсоветском пространстве: процесс формирования, факторы и характерные особенности (1991–2014) // Клио. 2015. № 3 (99). С. 161–173.

9. Фокина П.В. Молдова на перепутье между ЕС и ТС // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 2 (19). С. 43–52.

10. Цвятков Н.В. Восточное партнерство – формат взаимодействия Европейского союза с восточноевропейскими странами: опыт Республики Молдова // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 4 (16). С. 104–110.

11. Шишкина О. Политика соседства или политика соседей? Россия и «западный фланг» СНГ // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 116–123.

12. Agné H. European Union conditionality: Coercion or voluntary adaptation // Alternatives: Turkish Journal of International Relations. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 1–18.

13. Aliboni R., Ammor F. Under the shadow of 'Barcelona': From the EMP to the Union for the Mediterranean. EuroMesco. 2009. Paper No. 77. Available at: http://www.euromesco.net/euromesco/images/paper77eng.pdf (accessed: 20.06.2016).

14. Barbé E., Costa O., Herranz Surrales A., Natorski M. Which rules shape EU external governance? Patterns of rule selection in foreign and security policies // Journal of European Public Policy. 2009. Vol. 16. No. 6. P. 834–852.

15. Bechev D. Of power and powerlessness: The EU and its neighbours // Comparative European Politics. 2011. Vol. 9. No. 4/5. P. 414–431.

16. Biscop S. The ENP, security, and democracy in the context of the European security strategy // The European Neighbourhood Policy in perspective: Context, implementation, and impact / Ed. by R.G. Whitman, S. Wolff. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 73–88.

17. Bosse G. The EU's relations with Moldova: Governance, partnership or ignorance? // Europe-Asia Studies. 2010. No. 62 (8). P. 1291–1309.

18. Cadier D. Eastern Parternship vs Eurasian Union? The EU-Russia competition in the shared neighbourhood and the Ukraine crisis // Global Policy. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 76–85.

19. Casale A., Giovannini A., Gos D. et al. The use of EU instruments for macro-financial stability: Implications for the EU and national budgets // Centre for European Policy Studies. 2012. No. 64. Available at: https://www.ceps.eu/system/files/No%2064%20Instruments%20for%20Macro%20Financial%20Stability.pdf (accessed: 20.06.2016).

20. Checkel J.T. International institutions and socialization in Europe: Introduction and framework // International Organization. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 801–826.

21. Diez T. Constructing the self and changing others: Reconsidering 'normative power Europe' // Millenium. Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 613–636.

22. Dimitrova A., Dragneva R. Constraining external governance: Interdependence with Russia and the CIS as limits to the EU's rule transfer in the Ukraine // Journal of European Public Policy. 2009. No. 16 (6). P. 853–872.

23. Gawrich A., Melnykovska I., Schweickert R. Neighbourhood Europeanization through ENP: The case of Ukraine // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol. 48. No. 5. P. 1209–1235.

24. Grabbe H. The EU's transformative power: Europeanization through conditionality in Central and Eastern Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.

25. Hillion C., Mayhew A. The Eastern Partnership – something new or window-dressing // Sussex European Institute Working Paper. 2009. No. 109. Available at: https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=sei-working-paper-no-109.pdf&site=266 (accessed: 26.06.2016).

26. Hyde-Price A. 'Normative' power Europe: A realist critique // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 217–234.

27. Kelley J. New wine in old wineskins: Policy adaptation in the European Neighborhood Policy // Journal of Common Market Studies. 2006. Vol. 44. No. 1. P. 29–55.

28. Lavenex S. Concentric circles of flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations // Comparative European Politics. 2011. Vol. 9. No. 4–5. P. 372–393.

29. Lavenex S. A governance perspective on the European Neighbourhood Policy: Integration beyond conditionality? // Journal of European Public Policy. 2008. Vol. 15. No. 6. P. 938–955.

30. Martinezgarnelo Y Calvo, G. The Eastern Partnership as an expression of the European Neighbourhood Policy: Reinforcing the European normative power with the Eastern partners // Eastern Journal of European Studies. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 131–143.

31. Niemann A., de Wekker T. Normative power Europe? EU relations with Moldova // European Integration Online Papers. 2010. Vol. 14. Article 14. Available at: http://eiop.or.at/eiop/pdf/2010-014.pdf (accessed: 12.01.2017).

32. Pace M. Norm shifting from EMP to ENP: The EU as a norm entrepreneur in the south? // Cambridge Review of International Affairs. 2007. Vol. 20. No. 4. P. 659–675.

33. Pełczyn'ska-Nałęcz K. Integration or imitation? EU policy towards its Eastern neighbours // Ośrodek Studiów Wschodnich Im. Marka Karpia. Centre for Eastern Studies. Warsaw, 2011. Available at: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_36_en_0.pdf (accessed: 20.07.2016).

34. Schimmelfennig F. Europeanization beyond Europe // Living Reviews in European Governance. 2012. Vol. 7. No. 1. Available at: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2014/5275/pdf/lreg_2012_1Color.pdf (accessed: 20.06.2016).

35. Schimmelfennig F., Engert S., Knobel H. International socialization in Europe: European organizations, political conditionality, and democratic change. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

36. Schmidtke O., Chira-Pascanut C. Contested neighbourhood: Toward the 'Europeanization' of Moldova? // Comparative European Politics. 2011. Vol. 9. No. 4–5. P. 467–485.

37. Sjursen H. The EU as a 'normative' power: How can this be? // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 235–251.

38. Verdun A., Chira G. From neighbourhood to membership: Moldova's persuasion strategy towards the EU // Southeast European and Black Sea Studies. 2008. No. 8 (4). P. 431–444.

39. Wood S. The European Union: A normative power? // European Foreign Affairs Review. 2009. Vol. 14. P. 113–128.

40. Youngs R. Is the European Union supporting democracy in its neighbourhood? FRIDE – Foundation for International Relations and External Dialogue, Madrid. Available at: http://fride.org/download/librofride.pdf (accessed: 20.06.2016).

P.A. Barakhvostov

THE EUROPEAN UNION'S POLICY INSTRUMENTS IN RELATIONS WITH THE EASTERN PARTNERSHIP COUNTRIES: THE CASE OF MOLDOVA

Belarusian State University
20 Leningradskaya st., Minsk, Belarus, 220030

The 2016 presidential elections in the Republic of Moldova, the victory of a Socialist candidate I. Dodon in the 2016, who does not conceal his skepticism towards the Association Agreement between Moldova and the European Union, as well as a series of recent political scandals in this country, have forced the EU leaders to reassess the aims and prospects of their policy towards the region. This refers, particularly, to an ambitious Eastern Partnership program. In terms of understanding the ongoing transformation in the EU policies towards its Eastern neighbors, the case of Moldova is of special interest since this country has been one of the most active and strong supporters of the program from the very beginning. The present paper examines the evolution of the EU policy towards Moldova between 2009 and 2016. The author shows that the Eastern Partnership Initiative gave birth to a fundamentally new in-

strument for dissemination of the EU norms and values in legal systems of partner countries – an Association Agreement. To support development and implementation of this instrument the EU mobilized the full potential of its policy toolkit. Brussels implemented bilateral and multilateral cooperation mechanisms, focusing on promotion of socialization through institutions of the Eastern Partnership and dissemination of the EU norms, values, and practices among local elites. The paper shows that the EU policies towards Moldova have fundamentally changed after the conclusion of the EU-Republic of Moldova Association Agreement. Since then, special attention has been paid to such conditionality mechanisms as: establishing Deep and Comprehensive Free Trade Area, granting access to the European energy market, diversifying energy supplies, Visa Liberalization Action Plan, launching multi-country umbrella program aimed at rewarding democracy promotion-oriented countries. In addition, Moldova was the first country to have been subjected to an audit examination that resulted in suspension of financial support – that is, a mechanism of 'negative conditionality', designed to stimulate democratic reforms through restrictive measures. The conclusion is drawn that at the moment Moldova is at the crossroads and the future of all the EU-funded projects depends on extremely unpredictable domestic political environment in the country.

Keywords: European Union, Republic of Moldova, European Neighborhood Policy, Eastern Partnership, Europeanization, European Neighborhood and Partnership Instrument, Association Agreement, conditionality, socialization.

About the author: *Pavel A. Barakhvostov* – PhD Candidate at the Chair of Diplomatic and Consular Services, Department of International Relations, Belarusian State University (e-mail: pavelbarakhvostov@yahoo.com).

REFERENCES

1. Bolgova I.V. 2012. Vostochnoe partnerstvo: Evropeiskii soyuz v poiskakh novoi vneshnepoliticheskoi identichnosti [The Eastern Partnership: The European Union in search of a new foreign policy identity]. *Evropeiskii soyuz v XXI veke: vremya ispytanii* [European Union in XXI century: Time of trials]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 380–397. (In Russ.)

2. Devyatkov A.V. 2011. Moldova na perekrestke otnoshenii Rossii i ES [Moldova at the crossroads of the Russia-EU relations]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2. pp. 187–202. (In Russ.)

3. Kosikova L.S. 2012. Vostochnoe partnerstvo Evrosoyuza so stranami SNG i interesy Rossii [The EU Eastern Partnership with the CIS countries and Russia's interests]. *Rossiya i sovremennyi mir*, no. 1 (74), pp. 171–190. (In Russ.)

4. Lavrenov S.Ya. 2014. Perspektivy vzaimootnoshenii ES i Moldovy posle Vil'nyusskogo sammita 'Vostochnogo partnerstva' [Prospects for the relations between the EU and Moldova after the Vilnius Summit of the 'Eastern Partnership']. *Postsovetskii materik*, no. 1 (1), pp. 26–36. (In Russ.)

5. Latkina V.A. 2013. Fenomen evropeizatsii v zapadnoevropeiskih issledovaniyah [Europeanization as a socio-political phenomenon]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 11, no. 1, pp. 49–62. (In Russ.)

6. Mikhailov S.A. 2013. Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Moldavii i pridnestrovskogo uregulirovaniya: institutsional'nyi i natsional'nyi aspekty [The European Union's policy towards Moldova and Pridnestrovian (Transnistrian) settlement: Institutional and national aspects]. *Problemy natsional'noi strategii*, no. 2 (17), pp. 60–77. (In Russ.)

7. Sergunin A.A. 2010. Vostochnoe partnerstvo: vyzov rossiiskoi diplomatii v Vostochnoi Evrope [Eastern Partnership: Challenge to Russian diplomacy in Eastern Europe]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 'Lingvistika i mezhdunarodnye kommunikatsii'*, no. 1, pp. 205–210. (In Russ.)

8. Treshchenkov E.Yu. 2015. Politika Evrosoyuza na postsovetskom prostranstve: protsess formirovaniya, faktory i kharakternye osobennosti (1991–2014) [European Union's policy towards the post-Soviet states: The process of formation, factors and specific features (1991–2014)]. *KLIO*, no. 3 (99), pp. 161–173. (In Russ.)

9. Fokina P.V. 2013. Moldova na pereput'e mezhdu ES i TS [Moldova at the crossroads between the EU and the Customs Union]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 2 (19), pp. 43–52. (In Russ.)

10. Tsvyatkov N.V. 2015. Vostochnoe partnerstvo – format vzaimodeistviya Evropeiskogo soyuza s vostochnoevropeiskimi stranami: opyt Respubliki Moldova [The Eastern Partnership –format of interaction between the European Union with Eastern European countries: Experience of the Republic of Moldova]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*, no. 4 (16), pp. 104–110. (In Russ.)

11. Shishkina O. 2012. Politika sosedstva ili politika sosedei? Rossiya i 'zapadnyi flang' SNG [Neighbours' policies or neighbourhood policy: Russia in its Western 'near abroad']. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 10, no. 30, pp. 116–123. (In Russ.)

12. Agn H. 2009. European Union conditionality: Coercion or voluntary adaptation. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, vol. 8, no. 1, pp. 1–18.

13. Aliboni R., Ammor F. 2009. *Under the shadow of 'Barcelona': From the EMP to the Union for the Mediterranean*. EuroMesco. Paper no. 77. Available at: http://www.euromesco.net/euromesco/images/paper77eng.pdf (accessed: 20.06.2016).

14. Barb E., Costa O., Herranz Surrales A., Natorski M. 2009. Which rules shape EU external governance? Patterns of rule selection in foreign and security policies. *Journal of European Public Policy*, vol. 16, no. 6, pp. 834–852.

15. Bechev D. 2011. Of power and powerlessness: The EU and its neighbours. *Comparative European Politics*, vol. 9, no. 4/5, pp. 414–431.

16. Biscop S. 2010. The ENP, security, and democracy in the context of the European security strategy. In Whitman R.G., Wolff S. (eds.). *The European Neighbourhood Policy in perspective: Context, implementation, and impact*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 73–88.

17. Bosse G. 2010. The EU's relations with Moldova: Governance, partnership or ignorance? *Europe-Asia Studies*, no. 62 (8), pp. 1291–1309.

18. Cadier D. 2014. Eastern Parternship vs Eurasian Union? The EU-Russia competition in the shared neighbourhood and the Ukraine crisis. *Global Policy*, vol. 5, no. 1, pp. 76–85.

19. Casale A., Giovannini A., Gos D. et al. 2012. *The use of EU instruments for macro-financial stability: Implications for the EU and national budgets*. Centre for European Policy Studies, no. 64. Available at: https://www.ceps.eu/system/files/No%2064%20Instruments%20for%20Macro%20Financial%20Stability.pdf (accessed: 20.06.2016).

20. Checkel J.T. 2005. International institutions and socialization in Europe: Introduction and framework. *International Organization*, vol. 59, no. 4. pp. 801–826.

21. Diez T. 2005. Constructing the self and changing others: Reconsidering 'normative power Europe'. *Millenium. Journal of International Studies*, vol. 33, no. 3, pp. 613–636.

22. Dimitrova A., Dragneva R. 2009. Constraining external governance: Interdependence with Russia and the CIS as limits to the EU's rule transfer in the Ukraine. *Journal of European Public Policy*, no. 16 (6), pp. 853–872.

23. Gawrich A., Melnykovska I., Schweickert R. 2010. Neighbourhood Europeanization through ENP: The case of Ukraine. *Journal of Common Market Studies*, vol. 48, no. 5, pp. 1209–1235.

24. Grabbe H. 2006. *The EU's transformative power: Europeanization through conditionality in Central and Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

25. Hillion C., Mayhew A. 2009. *The Eastern Partnership – something new or window-dressing*. Sussex European Institute. Working Paper no. 109. Available at: https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=sei-working-paper-no-109.pdf&site=266 (accessed: 26.06.2016).

26. Hyde-Price A. 2006. 'Normative' power Europe: A realist critique. *Journal of European Public Policy*, vol. 13, no. 2, pp. 217–234.

27. Kelley J. 2006. New wine in old wineskins: Policy adaptation in the European Neighborhood Policy. *Journal of Common Market Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 29–55.

28. Lavenex S. 2011. Concentric circles of flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations. *Comparative European Politics*, vol. 9, no. 4–5, pp. 372–393.

29. Lavenex S. 2008. A governance perspective on the European neighbourhood policy: Integration beyond conditionality? *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 6, pp. 938–955.

30. Martinezgarnelo Y Calvo, G. 2014. The Eastern Partnership as an expression of the European neighbourhood policy: Reinforcing the European normative power with the Eastern partners. *Eastern Journal of European Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 131–143.

31. Niemann A., de Wekker T. 2010. Normative power Europe? EU relations with Moldova. *European Integration online Papers*, vol. 14, art. 14. Available at: http://eiop.or.at/eiop/pdf/2010-014.pdf (accessed: 12.01.2017).

32. Pace M. 2007. Norm shifting from EMP to ENP: The EU as a norm entrepreneur in the south? *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 20, no. 4, pp. 659–675.

33. Pełczyn'ska-Nałęcz K. 2011. Integration or imitation? EU policy toward its Eastern neighbours. *Ośrodek Studiów Wschodnich Im. Marka Karpia Centre For Eastern Studies*. Warsaw. Available at: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_36_en_0.pdf (accessed: 20.07.2016).

34. Schimmelfennig F. 2012. Europeanization beyond Europe. *Living Reviews in European Governance*, vol. 7, no. 1. Available at: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2014/5275/pdf/lreg_2012_1Color.pdf (accessed: 20.06.2016).

35. Schimmelfennig F., Engert S., Knobel H. 2006. *International socialization in Europe: European organizations, political conditionality, and democratic change*. New York, Palgrave Macmillan.

36. Schmidtke O., Chira-Pascanut C. 2011. Contested neighbourhood: Toward the 'Europeanization' of Moldova? *Comparative European Politics*, vol. 9, no. 4–5, pp. 467–485.

37. Sjursen H. 2006. The EU as a 'normative' power: How can this be? *Journal of European Public Policy*, vol. 13, no. 2, pp. 235–251.

38. Verdun A., Chira G. 2008. From neighbourhood to membership: Moldova's persuasion strategy towards the EU. *Southeast European and Black Sea Studies*, no. 8 (4), pp. 431–444.

39. Wood S. 2009. The European Union: A normative power? *European Foreign Affairs Review*, vol. 14, pp. 113–128.

40. Youngs R. 2008. *Is the European Union supporting democracy in its neighbourhood?* FRIDE – Foundation for International Relations and External Dialogue, Madrid. Available at: http://fride.org/download/librofride.pdf (accessed: 20.06.2016).